

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-834-862>

Научная статья / Research Article

Цивилизационная роль русского народа в развитии регионов Юга России через призму этнодемографической динамики

В.Э. Багдасарян^а, С.И. Реснянский^б

^а Московский государственный областной университет

105005, Россия, Москва, ул. Радио, 10а

vardanb@mail.ru

^б Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

s-r44@yandex.ru

Аннотация: В представленной статье на историческом интервале в триста лет прослеживается доля представительства русского этноса в этнодемографической структуре населения юга России. Проводится соотношение удельного веса русских и представителей титульных народов соответствующих административных единиц по историческим периодам. Географические рамки исследования охватывают регион Северного Кавказа и ряда пограничных с ним территорий в соответствии с изменяемым исторически административным делением России. Источниковой базой работы послужили материалы ревизий, переписей населения в Российской империи (1897 г.), СССР (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.) и Российской Федерации (2002, 2010 гг.). Методологическим основанием исследования явилось соотнесение теории цивилизационного подхода с эмпирикой этнодемографических процессов. Согласно выдвигаемой авторской гипотезе цивилизационные подъемы и упадки коррелируют с векторами миграционной динамики цивилизационнообразующего народа, освоения им этнической периферии. Доля русского народа как цивилизационнообразующего рассматривается в статье в качестве индикатора включенности исследуемого региона в российскую цивилизационную систему. Прослеживается соотносимый с нисходящей фазой советского проекта тренд сокращения удельного веса представителей русского этноса в национально-административных образованиях региона. Авторы приходят к важному выводу о необходимости дальнейшего укрепления российской государственности в связи с тем, что Россия веками развивалась как многонациональное государство – как государство-цивилизация, в центре которой находился русский народ, который всех объединяет.

Ключевые слова: русские, титульные нации, Северный Кавказ; этнодемография, переписи населения; цивилизационный подход; цивилизационнообразующий народ, миграции, этническая структура населения

Для цитирования: Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Цивилизационная роль русского народа в развитии регионов Юга России через призму этнодемографической динамики // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2018. Том 17. № 3. С. 834–862. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-834-862>

Введение

Каждое из исторически существовавших государств имело свое социальное ядро, вокруг которого осуществлялось соответствующее государствостроительство. Это ядро могло иметь этническое, религиозное, идеологическое выражение, а иногда и их сочетание. Речь идет, по сути, о государствообразующем народе, при использовании данной категории не в правовом отношении, что, безусловно, означало бы дискриминацию по национальному признаку, а в отношении исторической роли в генезисе государственных и цивилизационных систем. Применительно к России такую государствообразующую и цивилизационнообразующую роль играл русский народ. Исходя из понимания этой его роли, целесообразно проследить историческую динамику его представленности на имперской национальной периферии. Будучи народом государствообразующим, он должен был бы выступать субъектом государствостроительства в том числе на национальных окраинах¹.

Демографическим индикатором в данном случае выступают долевы показатели представителей в регионе русского этноса и этноса, позиционируемого в качестве титульного. Доля русского этноса косвенно свидетельствовала о включенности соответствующего региона в государственническую орбиту. Социальной стороной представленности русского народа в конкретно-исторических условиях девятнадцатого – двадцатого веков являлось также распространение квалификационных потенциалов индустриального уклада, а, соответственно, по нему можно было косвенно судить о потенциалах технологического развития региона. Приближение к абсолютным показателям этнической гомогенизации региона, напротив, указывало на его слабую интегрированность в соответствующую государственную и цивилизационную общность. Напротив, высокие показатели внутренней миграции косвенно свидетельствовали о высокой степени включенности региона в общегосударственные процессы.

Для верификации выдвигаемых положений был взят ряд регионов юга России, определяемых на настоящее время в качестве национальных республик и входящих в состав двух федеральных округов – Южного и Северо-Кавказского. Географически это Северный Кавказ и граничащая с

¹ *Троицкий Е.С.* Русская этнополитология: В 3 т. М.: Граница, 2003.

ним Прикаспийская низменность – зона расселения калмыков. В рамках рассмотрения оказываются также зона кавказского фронта, служащая плацдармом русской колонизации Кавказа и охватывающая современные территории Краснодарского и Ставропольского краев, в несколько меньшей степени – Ростовской и Астраханской областей.

Основой источниковой базой исследования послужили материалы статистической обработки ревизий Российской империи² и материалы переписей населения (1897, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 гг.)³. Хронологические рамки рассматриваемого исторического времени охватывают, таким образом, более трех столетий отечественной истории, что позволяет выявить мегавременные тренды развития российской цивилизационной общности. Через данные демографической статистики прослеживаются векторные инверсии государственной политики Российской империи, СССР, Российской Федерации в национальном вопросе (и, в частности, степени ориентированности на фактор русской этнической идентичности). Вместе с тем оценивается степень комплиментарности к аллохтонному населению титульных автохтонных этносов Юга России, и, соответственно, преобладание в разные исторические периоды векторов центростремительных и центробежных сил.

Русские анклавно проживают на Северном Кавказе с шестнадцатого столетия, а с начала девятнадцатого века являются крупнейшим северокавказским этносом. Однако, как правило, при этнографических и этноисторических характеристиках региона русские среди укорененных северокав-

² Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1963.

³ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам Российской Империи кроме губерний Европейской России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России // http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php; Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php; Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php; Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php; Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php

казских народов не упоминаются, что формирует стереотип восприятия их через призму образа «чужака», а это, в свою очередь, закладывает политические последствия отношения к ним, проявленные, в частности, на волне сепаратизма в 1990-е годы.

Развитие историографии проблемы

Первые системные исследования в России по этноистории Северного Кавказа и отношения русских с другими северокавказскими народами предпринимаются с девятнадцатого столетия. Одним из первых в череде исследователей был Н.Я. Данилевский – будущий автор теории культурно-исторических типов. Включение им кавказского региона в орбиту русского культурно-исторического типа и рассмотрение отношений на Кавказе через призму противоборства России с другими культурно-историческими общностями (в категориальном аппарате С. Хантингтона – «цивилизационной войны») задавало матрицу проблем, актуализируемых в представляемом нами исследовании⁴. В целом в историографии Российской империи по Северному Кавказу доминировала военная компонента – русско-турецкие войны, русско-иранские войны, Крымская война, Кавказская война, определявшая контекст в восприятии этнических отношений. В зависимости от позиции, занимаемой тем или иным этносом в этих войнах, народы Кавказа делились военными историками на «своих» и «чужих». Русские при таком нарративе оказывались стороной конфликта, что создавало определенные препятствия в их позиционировании в качестве интеграционного ядра для всего многоэтнического российского сообщества⁵.

Советская историография в период доминанции школы М.Н. Покровского в освещении национального вопроса в истории была, как известно, акцентирована на критике «империалистичности» и «колониаторской политики» Российской империи⁶. Русский народ представал в качестве

⁴ Данилевский Н.Я. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении: с объяснением истории, религии, языка, облика, одежды, строений, воспитания, правления, законов, коренных обычаев, нравов, образа жизни, пищи, образования и торговли хищных горцев Кавказа. М.: Университетская типография, 1846.

⁵ Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис: Военно-походная типография Главного штаба, 1860; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб.: Типография Департамента уделов, 1871; Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). В 2-х частях. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1879; Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. В 5 т. СПб.: Типография Е. Евдокимова, 1887–1890; Покоренный Кавказ: Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа. Издание А.А. Каспари. СПб: Родина, 1904; Ковалевский П.И. Кавказ. История завоевания Кавказа. СПб., 1915. Т. 2.

⁶ Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М.: Красная новь, 1924; Авторханов А. К основным вопросам истории Чечни. Грозный:

реакционной силы царизма на Кавказе. Позитивно оценивалось сопротивление с Россией движения горцев под руководством Шамиля. В целом русская тема коннотировала с негативной атрибуцией, выражающей несвободу, стремление к внешним захватам, лень и т.п.

Произошедший с середины 1930-х гг. идеологический поворот состоял в реабилитации русского фактора государственностроительства в дореволюционной России. Русская колонизация Кавказа теперь трактовалась как позитивный цивилизаторский процесс. Подчеркивалась освободительная миссия России и защита ей малых народов от угроз физического истребления и культурного репрессинга со стороны более сильных государств. Движение Шамиля переосмысливалось теперь в негативном ракурсе как осуществляемая под прикрытием религии форма классового порабощения, сепаратизм, поддерживаемый и используемый в своих целях геополитическими врагами России. Предпринимаются попытки подвода некоторых исторических оснований под депортационные меры в отношении ряда народов Северного Кавказа и калмыков⁷.

Десталинизация выразилась в историографии национального вопроса в регионе, с одной стороны, в реабилитации прошлого депортированных народов, формировании этноисторических нарративов, с другой, в нивелировке русского фактора, акцентированного в период сталинского идеологического поворота. В последующее время был установлен условный идеологический компромисс, суть которого состояла в том, что, с одной стороны, признавалось позитивное значение русского фактора исторической интеграции России/СССР, что соотносилось с идеологемами «старшего брата» и «добровольности» вхождения народов в империю, с другой, в осуждении политики русификации в регионах. На практике это привело к тому, что способная продуцировать те или иные конфликтные выводы – либо о русификации, либо об этнизации – тема изменения этнодемографической структуры национальных республик хотя и эмпирически прорабатывалась, но не выводилась на концептуальные обобщения и тренды.

Серло, 1930; *Кокиев Г.* Военно-колониционная политика царизма на Северном Кавказе // *Революция и горец.* 1929. № 4. С. 30–35; № 5. С. 33–38.

⁷ *Кобрин В. Б.* Под прессом идеологии // *Известия АН СССР.* 1990. № 12. С. 25–40; *Багиров М. Д.* К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля // *Большевик.* 1950. № 13. С. 22–31; *Бушурев С.К.* Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20-е – 70-е годы XIX века). М.: МГУ, 1955; *Фадеев А.В.* Мюридизм как орудие агрессивной политики Турции и Англии на Северо-Западном Кавказе в XIX столетии // *Вопросы истории.* 1951. № 9. С. 76–96; Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов / Под редакцией Ш.В. Цагарейшвили. Тбилиси: Госиздат Грузинской ССР, 1953; *Смирнов Н.А.* Шейх Мансур и его турецкие вдохновители // *Вопросы истории.* 1950. № 10. С. 19–39.

Масштабным проектом явилось издание в советское время «Очерков истории» национальных регионов в составе СССР⁸. Но истории регионов могли бы работать на государственное единство в случае наличия зонтика теории их единства цивилизационного и, соответственно, акцентированности значения цивилизационнообразующей силы, без чего они при ослаблении Центра потенциально превращались в фактор дезинтеграции. Доминировавший классовый подход без необходимой и в принципе возможной его модернизации таких теоретических оснований не предоставлял. При ослаблении с конца 1980-х гг. государственных скреп и преобладании вектора центробежности созданный в прежние десятилетия этноисторический нарратив оказывается знаменем сепаратизма. Состояние идеологической неопределенности в позднесоветской историографии иллюстрирует освещение Кавказской войны, по которой единая позиция в оценках движения горцев так и не была выработана (версии интерпретации – национально-освободительная война или сепаратизм и классовое угнетение), что в целом для исторической науки в СССР не было характерно⁹.

Распад Советского Союза и продуцируемые им сценарии распада России были сопряжены с кампанией воинствующей русофобии, адресно направленной против русских как опоры разрушаемой империи. В исторической проекции активно осуждается колонизаторская политика царизма и в еще большей степени большевизма, созданная будто бы в рамках империи, как царской, так и советской, система национального угнетения. В фокусе внимания применительно к рассматриваемому региону оказывается трагедия сталинских депортаций. В целом в отношении русских, представляющих большинство северокавказского населения, применяется в радикальной сепаратистской версии образ «оккупанта» (ярким приме-

⁸ Очерки истории Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. Т. 2; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1967; Очерки истории Советской Кабардино-Балкарии. М.: Госполитиздат, 1958; Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1967–1972. 1967. Т. 1; 1972. Т. 2; Очерки истории Калмыцкой АССР. М.: Наука, 1967. Т. 1; Там же. 1970. Т. 2.

⁹ Янова М.В. История Калмыкии: проблемы историографии конца XVIII – начала XXI вв. М.: РУДН, 2013; Грещенко Н.П. Истоки дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1962; Яндаров А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения. Алма-Ата: Наука, 1975; Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в. М.: МГУ, 1984; Боков Ф.П. По поводу концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России: Теоретико-методологический аспект / Ф.П. Боков. Грозный: Чеч.-Инг. издат.-полиграф. объединение «Книга», 1990.

ром являются в этом отношении интернет-публикации «Кавказ-центра»), в умеренной – пришлого этнического компонента, не имеющего исторического права в той же мере представлять регион, как коренные титульные народы¹⁰. Этот дискурс соотносился с оттоком русскоязычных граждан из управленческих и считающихся элитными должностей в национальных республиках. Вместе с русскими в подобном положении оказывались и представители других национальностей, не относимых к титульным нациям и являющихся объективно, как и русские, помехой для попыток со стороны части национальных элит выстраивания модели этнократии¹¹.

Как реакция на происходящие этнополитические процессы явилось появление ряда публикаций, указывающих на отсутствие субъектности русского народа в выстроенной в РФ, а ранее в СССР, национально-территориальной модели федерализма, на необходимость защиты русской идентичности как фактора сохранения единства России¹². Публикации этой направленности были встречены в штыки либеральной общественностью и частью этнократически ориентированных групп в национальных республиках, яркой иллюстрацией чему служит широкая информационная кампания вокруг учебника А.И. Вдовина и А.С. Барсенкова («дело историков № 2») с обвинением авторов в русском шовинизме, разжигании ксенофобии, клевете на отдельные народы¹³.

Принципиальное значение для легитимизации русской идентичности как фактора государственностроительства и цивилизационностроительства России имела предвыборная статья 2012 г. В.В. Путина «Россия: национальный вопрос», в которой он как кандидат в президенты вопреки прежним политическим установкам заявлял: «Русский народ является государствообразующим – по факту существования России»¹⁴. В конце 2012 г. в Послании Федеральному Собранию В.В. Путин уже в статусе главы государства продолжает поднятую тему, определив Россию как государство-цивилизацию, скрепленную русским народом, русским язы-

¹⁰ «Кавказ-центр» признали экстремистским. URL: <http://www.interfax.ru/russia/207544>

¹¹ *Сухоплещенко К.Ю.* Этнократии на Северном Кавказе: институционализация и легитимация. Ростов-на-Дону: Юж. федер. ун-т, 2010; Русские «второго сорта». URL: <https://www.kp.ru/daily/23611/46725/>; *Коц А., Стешин Д.* Вернутся ли русские на Кавказ? URL: <https://www.kp.ru/daily/23718/53778/>

¹² *Вдовин А.И.* Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М.: Вече, 2013; *Нарочницкая Н. А.* Россия и русские в современном мире. Издательство: Алгоритм, 2009.

¹³ *Барсенков А.С., Вдовин А.И.* История России. 1917–2009. М.: Аспект Пресс, 2010; *Преподавание истории в России и политика. Материалы круглого стола.* М.: Научный эксперт, 2010.

¹⁴ *Путин В.В.* Россия: Национальный вопрос. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html

ком и русской культурой¹⁵. После этих слов, как минимум, сама постановка вопроса на академическом уровне о государствообразующей роли русского народа в ее региональном преломлении, в том числе по отношению к Северному Кавказу, оказалась в принципе возможна. Принятие предложенного Президентом подхода означает вместе с тем для исторической науки необходимость раскрытия категории «государство-цивилизация» в развертке отечественной истории и определения русского фактора в качестве осевой основы российского цивилизационного строительства. Развитие методологии цивилизационного позволяет, в частности, проследить преломление модели «государства-цивилизации» и ее спецификации в отношении к такому полиэтничному региону, каковым является Северный Кавказ.

Важный инструментарий для раскрытия фактора национальной идентичности в цивилизационном строительстве предоставляет развитие методологии и расширение эмпирической базы исторической демографии. Особое значение в историографии этнодинамики в отечественной истории имеют труды В.М. Кабузана, введшего в широкий оборот материалы ревизий, проводимых в Российской империи в XVIII–XIX вв. Серия его работ, с опорой на широкую статистическую базу, позволила реконструировать динамику изменений этнической структуры населения по ряду регионов России¹⁶. Большой вклад в проработку материалов переписей населения, включая вопрос национальной идентификации, внес Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии, возглавляемый Ю.А. Поляковым и В.Б. Жиромской¹⁷.

В междисциплинарном комплексном исследовании «Государственная политика вывода России из демографического кризиса», проведенном Цен-

¹⁵ Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118>

¹⁶ Кабузан В. М. Народы России в XVIII веке: Численность и этнический состав. М.: Наука, 1990; Кабузан В. М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. М.: Наука, 1992; Кабузан В. М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках: Этностатистическое исследование. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1996; Кабузан В.М. Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1996; Кабузан В.М. Формирование многонационального населения Прибалтики (Эстонии, Латвии, Литвы, Калининградской области России) в XIX – XX вв. (1795–2000 гг.). М.: ИРИ РАН, 2009.

¹⁷ Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись 1937 года. М.: Наука, 1996; Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле, 2012; Население России в XX веке. Исторические очерки. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. 1900–1939 гг.

тром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования (научный руководитель – В.И. Якунин), были приведены развернутые доказательства значения фактора национальной идентичности большинства населения (в российском случае – русского народа) для развития потенциалов соответствующего сообщества в целом. Обнаруживалась на основе проведенного историко-математического анализа корреляция между состоянием русской идентичности и жизнеспособностью России¹⁸. Посредством привлечения статистического материала обращалось внимание на феноменологию «демографического выдавливания» русского населения с национальных окраин. В продолжении раскрытия данной темы в работах В.Э. Багдасаряна был представлен общий тренд этнизации бывших республик СССР, достигаемый в различной степени радикальности через вытеснения русскоязычных, нивелировки русской идентичности и демографического сокращения русских. Данные трендовые установки осмысливались не только в качестве политических последствий распада СССР, но и цивилизационного кризиса¹⁹.

Гипотеза исследования

Представленный анализ ориентирован в теоретическом плане на развитие методологии цивилизационного подхода, сочетаемого с методологией мир-системного анализа²⁰. Каждая из цивилизаций, как и любая социальная система, имеет свой центр (или ядро, ось) и периферию. Какая-то группа населения, чаще всего тот или иной народ, берет на себя в соответствующей цивилизации осевые функции. Цивилизационнообразующий или осевой народ ведет за собой, в соответствии с выдвинутым им проектом, цивилизационную периферию, как правило, представленную иными народами, входящими в систему единой цивилизации. Цивилизации за единичными исключениями этнически гетерогенны, и отношения цивилизационнообразующего народа с народами цивилизационной периферии являются ключевыми. Когда цивилизационнообразующий народ увеличивает свой удельный вес, в этнической структуре цивилизационной

¹⁸ Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. Государственная политика вывода России из демографического кризиса. М.: ЗАО Издательство «Экономика», Научный эксперт, 2007.

¹⁹ Багдасарян В.Э. Русскоязычное население стран ближнего зарубежья: демографическое выдавливание через призму постимперского транзита // Политические процессы на постсоветском пространстве. Материалы IV международной конференции. М.: ИИУ МГОУ, 2015. С. 23–46; *Он же*. Русскоязычная диаспора стран ближнего зарубежья в постсоветский период: историко-демографические процессы // Политика и Общество. 2015. № 10. С. 1363–1374.

²⁰ Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М.: Весь мир, 2007.

периферии фиксируется фаза исторического подъема цивилизации. Колонизация им окраин является отражением преобладания центробежных сил и расширения цивилизационного ареала. Возможность колонизации связывается с легитимизацией в восприятии этносов окраин цивилизационнообразующего народа в его праве на выдвижение цивилизационного проекта. Кризис цивилизации оказывается сопряжен с обратным оттоком цивилизационнообразующего народа, его отнесением из регионов этнической периферии. Его удельный вес на окраинах снижается, а сами окраины выпадают из орбиты соответствующего цивилизационного ареала. Сам же цивилизационнообразующий народ утрачивает легитимность и, как следствие, оказывается периферийной ксенофобии. Такие кризисы могут привести к цивилизационной смерти, отпадению отдельных регионов от единой прежде цивилизации или смене цивилизационнообразующей силы.

Сопряженность фаз цивилизационного подъема и цивилизационного упадка с векторами миграционной динамики цивилизационнообразующего народа «центр – периферия» и «периферия – центр» четко прослеживается на основании демографической статистики в истории России. На стадиях подъема русский народ расширял свой удельный вес в национальных регионах, а на стадиях кризиса, под которым понимается государственное и геополитическое обрушение (то есть когда государство институционально и территориально минимизирует потенциалы своего существования), его удельный вес сокращался. Достижимая за счет внутренней миграции не только русских, но и украинцев, белорусов, армян, немцев и др. полиэтнизация национального региона усиливала его цивилизационную ориентированность и, напротив, этническая гомогенизация объективно увеличивала сепаратистские устремления. Все это в полной мере и, вероятно, наиболее ярко обнаруживается применительно к рассматриваемому региону.

Этнодемографические процессы в регионе периода Российской империи

За период существования Российской империи удельный вес русского населения на Северном Кавказе устойчиво возрастал. Долевой рост за двести лет выражался изменением от исходного положения по I ревизии 1719 года в 0,7% до 46,9% по данным статистики за 1916–1917 гг. Такие трансформации этнодемографической структуры населения изменили Северный Кавказ цивилизационно²¹.

²¹ Брук С.И., Кабузан В.М. Этнический состав населения России (1719–1917) // Советская этнография. 1980. № 6. С. 24–34; Они же. Динамика численности и расселения русского этноса (1678–1917) // Советская этнография. 1982. № 4. С. 9–25.

В восемнадцатом столетии возрастание удельного веса российского населения происходило достаточно медленно, не будучи обеспечено соответствующим военно-территориальным продвижением. К IV ревизии, проводимой в 1782 году, доля русских на Северном Кавказе возросла всего до 2,5%. Активная внешняя политика Екатерины II на южном направлении стала катализатором роста русской миграции. Уже к V ревизии 1795 года удельный вес русских в регионе возрос до 6,9%. Уже тогда, учитывая множественность северокавказских народов при их сравнительно малой численности, русские оказались одной из самых крупных этнических общностей на Северном Кавказе.

Переломным временем в русском заселении Северного Кавказа явилось девятнадцатое столетие. Кавказская война не привела к оттоку русского населения, как это случится в результате Чеченской войны, с которой проводятся часто параллели. Напротив, к VIII переписи доля русских возрастает почти вдвое, достигнув 13,2%. К окончанию Кавказской войны по XX ревизии 1858 года русские составляют уже 16,9% населения Северного Кавказа. Прекращение военных действий превращают Северный Кавказ в одно из самых привлекательных регионов для миграционного переселения среди русского народа. Русская идентичность на Северном Кавказе к концу девятнадцатого столетия оказывается безусловно доминирующей. По переписи 1897 года русские составляли 42,5% северокавказского населения, установив при том комплиментарные отношения с другими народами региона. Удельный вес русских на Северном Кавказе к 1917 году в 46,9% был даже выше, чем по империи в целом – 44,6%.

Северный Кавказ являлся в Российской империи вторым, после Новороссии, из основных направлений русских переселений. Численность переселенцев на Кавказ превосходила переселенческие контингенты в другие регионы-реципиенты – Сибирь, Нижнее Поволжье, Южное Приуралье. При том, что в современных образах истории русской колонизации гораздо большее внимание уделяется сибирскому направлению, тогда как миграция на Кавказ оказывается в основном вне поля внимания. Помимо миграционного прироста рост русского населения обуславливался более низкой смертностью и более высокими показателями рождаемости. Более низкая смертность связывалась с распространением современной культуры здравоохранения и медицинских знаний. По уровню репродуктивной ориентации тогдашнее русское православное население превосходило население мусульманское, что диссонирует современным стереотипам в сфере этнодемографии²².

²² Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913): Статистические очерки. М.: Государственное статистическое издательство, 1956; Исутов В.А. Демографические

Посмотрим на долевое соотношение русских и автохтонных народов по административным единицам Российской империи по переписи 1897 г.²³ Сравнительно небольшой являлась доля русского народа только в Дагестанской области – 2,3%. Первые позиции занимали аварцы – 27,8% и даргинцы – 21,3%. Превышали удельный вес русского народа и другие автохтонные народы Дагестана – лезгины, лакцы, кумыки. По всем другим административным образованиям русские заметно преобладали.

По Терской области их численность была сопоставима с численностью чеченцев, но все же к 1897 году оказывалась выше – 29% против 23,9%. На следующих позициях находились осетины – 10,3%, кабардинцы – 9,0%, ингуши – 5,1%.

В Астраханской губернии, границы которой существенно превышали границы современной Астраханской области и включавшей часть территории расселения калмыцкого и казахского населения, русские все равно доминировали, составляя 40,8%. Значительной, но существенно меньшей, являлась доля казахов – 25%. Следующими по численности в Астраханской губернии шли калмыки – 13,8%, малороссы – 13,3%, татары – 5,3%.

По другим регионам – Кубанской области, Ставропольской губернии, Черноморской губернии, Области войска Донского – условным конкурентом русских в структуре местного населения являлись малороссы. В Кубанской области они даже несколько преобладали над русскими – 47,4% против 42,6%. Высока была их доля в Ставропольской губернии – 36,6% против 55,2% у русских и в Области войска Донского – 28,1% против 66,8%. В Черноморской губернии, наряду с русскими – 42,6%, малороссами – 16,1%, имели значительное представительство также армяне – 10,9% и греки – 10,3% (табл. 1).

Было бы при этом принципиально неверно противопоставлять русскую и малоросскую миграцию на Северный Кавказ. Русские и малороссы выступали в данном случае единой культурно-исторической общностью, связанной православной культурой, представлявшей единый уровень образования и квалификации. Но фиксация направленности миграционных потоков с Малороссии (Украины) именно в сторону Кавказа имеет важное значение для реконструкции основных потоков внутренней миграции в Российской империи.

катастрофы и кризисы в России в первой половине XX в.: историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.

²³ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам Российской Империи кроме губерний Европейской России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php

Таблица 1 / Table 1

Доля русского народа в структуре населения ряда административных единиц юга Российской империи по переписи 1897 г. / The share of the Russian people in the structure of the population of a number of administrative units of the south of the Russian Empire according to the census of 1897

Административная единица	%
Астраханская губерния	40,8
Дагестанская область	2,3
Кубанская область	42,6
Область войска Донского	66,8
Саратовская губерния	87,1
Ставропольская губерния	55,2
Терская область	29,0
Черноморская губерния	42,9

Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам Российской Империи кроме губерний Европейской России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php

Этнодемографические процессы в регионе по переписи 1926 г.

Революция и Гражданская война явились, безусловно, одним из исторических кризисов российской цивилизации. Единое государство распадается и затем собирается снова уже на иной проектной основе. Русский народ сохраняет свою роль в качестве основной силы цивилизационного строительства, но позиционируясь уже не в связи с православием, а в качестве носителя пролетарского сознания, имея в виду географическую распространённость индустриального сектора экономики. Вместе с тем как опора прежней царской империи русский народ подвергается дискредитации в новой массовой пропаганде и левой культуре. Русская национальная идентичность лишается предпочтительности в случаях двойной самоидентификации. Создание национальных государственных образований в период Гражданской войны и переход к модели национально-территориального устройства привел к некоторому оттоку русского населения из регионов, позиционируемых по принадлежности к титульной нации. Новые этнодемографические тенденции фиксируются в материалах переписи 1926 г.²⁴

²⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 года...

Наблюдаемый прежде в Российской империи устойчивый рост русского населения на Северном Кавказе остановился, оставаясь в целом на уровне 1917 г. Доля русских в Северо-Кавказском крае по переписи 1926 года составила 46,2%, что только на десятые доли процента отличалось от последних показателей для Северного Кавказа периода Российской империи. Однако в связи с переходом национально-территориальной модели произошла определенная реконфигурация расселения русских. Существенно их долевое представительство по Астраханской губернии, достигнув 74,7%. Русское население превышало половину жителей Майкопского – 65,2%, Ставропольского – 62,6%, Терского – 58,5% округов. Однако в новых национально-территориальных образованиях русские везде без исключения оказались в меньшинстве. Их доля по Адыгейской (Черкесской) АО составила 25,8%, Дагестанской АССР – 12,5%, Калмыцкой АО – 10,7%, Кабардино-Балкарской АО – 7,5%, Северо-Осетинской АО – 6,6%, Черкесской АО – 3,9%, Чеченской АО – 2,9%, Карачаевской АО – 1,7%, Ингушской АО – 1,2%. В исторической динамике по отношению ко временам Российской империи определенный рост удельного веса по районам этнического горского расселения наблюдается только в Дагестане, что было связано с развитием инфраструктур нефтяной отрасли.

Переход к национально-территориальной модели и отток из соответствующих автономных образований представителей нетитульных наций приводил к процессам региональной этнизации. Более трех четвертей населения составляли представители одной титульной нации, что традиционно оценивается как уровень мононациональной государственности в Калмыцкой АО – 75,6% калмыки, Карачаевской АО – 81,3% карачаевцы, Северо-Осетинской АО – 84,3% осетины, Ингушской АО – 93,1% ингуши, Чеченской АО – 94,0% чеченцы (См. таблицу 2). Такая этническая структура вступала в противоречие с идеологией советского интернационализма, и следовало ожидать в дальнейшем развитие курса на интернационализацию общественной жизни.

Важнейшей мерой предотвращения этнизации регионов являлось назначение на первые посты руководства национальным автономным образованием лиц, не принадлежащих к титульной нации. Так, например, во главе Дагестанской АССР с момента ее создания в 1921 году и до окончания Великой Отечественной войны из тринадцати первых (ответственных) секретарей Дагестанского областного комитета ВКП(б) было только два представителя титульных наций Дагестана. Причем оба не аварцы, занимавшие первую позицию по численности в республике, один даргинец,

другой – лезгин. Среди остальных – 4 евреев, 3 русских, 2 азербайджанцев, 1 украинец, 1 осетин.

Опорой советской власти на Кавказе являлись города, служившие местами концентрации русского населения. Некоторые из городов северо-кавказского региона были выделены в особые автономные образования. Так, во Владикавказе по переписи 1926 года русские составляли 53,4% жителей, тогда как осетины – только 14,3%. Существенным было также представительство армян – 8,7%, грузин – 6,7%, украинцев – 5,3%. Преимущественно русским городом оставался Грозный – 68,4% состава населения. Чеченцы на момент переписи составляли лишь 2% населения города и численно уступали проживавшим в Грозном украинцам, армянам, татарам.

Таблица 2 / Table 2

**Доля русского народа в структуре населения
ряда административных единиц юга РСФСР по всесоюзной переписи 1926 г. /
The share of the Russian people in the structure of the population of a number
of administrative units of the south of the RSFSR for the All-Union Census of 1926**

Административная единица	%
Астраханская губерния	74,7
Северо-Кавказский край	46,2
Донской округ	46,1
Кубанский округ	33,8
Майкопский округ	65,2
Ставропольский округ	62,6
Терский округ	58,5
Адыгейская АО	25,8
Дагестанская АССР	12,5
Ингушская АО	1,2
Кабардино-Балкарская АО	7,5
Калмыцкая АО	10,7
Карачаевская АО	1,7
Северо-Осетинская АО	6,6
Черкесская АО	4,0
Чеченская АО	2,9

Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php

Усилилась по ряду административных образований региона и Северному Кавказу в целом украинская компонента. Доля украинцев в Северо-Кавказском крае по данным на 1926 год составила 37,4%, что только на 8,8% уступало доле русского населения. Миграция украинцев в юго-восточном направлении была катализирована в значительной мере драматическими событиями Гражданской войны, происходившими на Украине. Необходимо иметь в виду и то, что в условиях радикальной русофобской пропаганды украинская идентичность оказывалась даже более предпочтительной в сравнении с русской. Если в период Российской империи дифференциация на русских и малороссов была в значительной степени условной, то теперь, когда существовала уже Украинская ССР, это создавало определенное латентное напряжение. Особенно заметным оказалось диспаритетное положение в соотношении между украинцами и русскими в Кубанском округе – 62,6% против 33,8%. Доля украинцев превышало долю русских также в Кабардино-Балкарской АО, Карачаевской АО, Северо-Осетинской АО.

Несмотря на фиксируемый кризис, связанный с русской национальной идентичностью, масштаб его не был таким, чтобы можно было говорить об угрозах цивилизационной гибели. Бегства русских с периферии в центр не происходило, а миграционные волны имели межрегиональную направленность. Демографические потенциалы цивилизационнообразующего народа на Северном Кавказе были таковы, что частично утраченные позиции при соответствующем политическом повороте могли быть восстановлены, что, собственно, и происходит в следующее десятилетие.

Этнодемографические процессы в регионе по переписи 1939 г.

Перепись 1939 г. отражала начавшийся поворот сталинской политики в национальном вопросе²⁵. Доля русского населения увеличивалась во всех без исключения крупных административных образованиях рассматриваемого региона. По Орджоникидзевскому (Ставропольскому) краю их удельный вес увеличился на 19,8%, по Краснодарскому краю – на 53%, по Кабардино-Балкарской АССР – на 28,4%, по Северо-Осетинской АССР – на 30,6%, по Калмыцкой АССР – на 34,9%, по Карачаевской АО – на 41,3%, по Адыгейской АО – на 58,5%. Менее заметен был рост в Дагестанской АССР, где увеличение составило менее 2%. Но в созданной на основе слияния Чеченской и Ингушской АО, в которых доля русских была минимальной, Чечено-Ингушской АССР их удельный вес достиг 28,8%. Русские пре-

²⁵ Всесоюзная перепись населения 1939 года...

взошли по численности вторые титульные нации в двухосновных автономных республиках – в Чечено-Ингушской – ингушей и в Кабардино-Балкарской – балкарцев. В Адыгейской АО русские к 1939 году стали составлять абсолютное большинство – 71,1% против 22,8% адыгейцев. Абсолютное большинство их было установлено также в Черкесской АО – 58,3% против 17,2% черкесов. В Калмыцкой АССР установилось примерное равенство между русскими – 45,7% и калмыками – 48,6%. Русские превысили треть населения в Кабардино-Балкарской АССР – 35,9% и Северо-Осетинской АССР – 37,3%.

Определенную роль в столь существенном возрастании доли русских сыграли соответствующие установки в регистрации национальной принадлежности. Русскими теперь записывались, в частности, многие украинцы. Это подтверждается стремительной минимизацией украинской идентичности в сравнении с переписью 1926 года по всем административным образованиям, в которых они имели прежде значительное представительство. В Краснодарском крае, где они ранее составляли абсолютное большинство, их удельный вес снижается до 4,7%. В Ставропольском крае доля украинцев сократилась с трети населения до 2,4%, сравнившись с численностью ставропольских немцев. По Адыгейской АО она снизилась до 2,5%, Карачаевской АО – 1,5%, Кабардино-Балкарской АССР – 3,1%, Северо-Осетинской АССР – 2,2%, Калмыцкой АССР – 0,5%.

Однако одной лишь перерегистрацией украинцев русскими произошедшие этнодемографические изменения в регионе не изменить. Простое сложение русских и украинцев, проживавших в Кабардино-Балкарской АО по переписи 1926 г., давало бы результат в 16% в структуре населения. Такое же сложение по Северо-Осетинской АО давало бы удельный вес в 13,4%, между тем как доля русских в 1939 г. в Кабардино-Балкарской АССР составила 35,9%, а в Северо-Осетинской АССР – 37,3%.

Следовательно, более значимую факторную роль в изменении этнодемографической структуры сыграла миграционная динамика. Массовая миграция русских в национальные республики была связана с осуществляемой в СССР индустриализацией и культурной революцией. Русское население выступало в данном случае как носитель соответствующих квалификационных потенциалов для преимущественно аграрного региона с доминирующим укладом традиционного общества.

В 1930-е гг. сложилась окончательно модель управления в национальных республиках и областях, сообразно с которой на пост первого секретаря ставился русский, тогда как на пост второго секретаря – пред-

ставитель титульной нации. На момент переписи 1939 г. представитель титульной нации из всех автономных республик и областей региона – Темиров Ибрагим Калмукович – стоял во главе областного комитета ВКП(б) Карачаевской АО. Список остальных персоналий высшего руководства автономных республик и областей выглядел следующим образом: Дагестанская АССР – Линкун Николай Иосифович, Кабардино-Балкарская АССР – Кудрявцев Александр Васильевич, Калмыцкая АССР – Лаврентьев Петр Васильевич, Северо-Осетинская АССР – Иванов Никита Петрович, Чечено-Ингушская АССР – Быков Федор Петрович, Адыгейская АО – Чекаловский Федор Григорьевич, Черкесская АО – Борзов Василий Яковлевич. Посредством установки на кооптирование на высший управленческий уровень представителей русского этноса предотвращалась этнизация и клановизация власти в национальных регионах, произошедшая позже в результате перехода к системе «коренизации».

Этнодемографические процессы в регионе по переписи 1959 г.

Следующая перепись населения СССР прошла через двадцать лет, за которые Советский Союз прошел потрясение войной, ряд народов Северного Кавказа прошли депортацию и затем, будучи реабилитированными, в большинстве вернулись на историческую родину. Несмотря на все трагические испытания российская цивилизационная общность находилась в фазе подъема, достигнув исторического максимума геополитического влияния в мире. Характерно, что доля русских по всем административным территориям региона возросла (кроме Адыгейской АО). За редким исключением перепись 1959 г. зафиксировала исторический максимум удельного веса русских по административным образованиям региона²⁶. По краям и областям их долевого показатель варьировался в диапазоне от 91,7% в Ростовской области до 77,5% в Астраханской. По четырем из семи национальным автономиям региона доля русских была выше доли титульных наций: по Калмыцкой АССР – 55,9% против 35,09% калмыков, по Чечено-Ингушской АССР – 49,0% против 34,3% чеченцев и 6,8% ингушей, по Адыгейской АО – 70,42% против 21,2% адыгейцев, по Карачаево-Черкесской АО – 51,0% против 24,4% карачаевцев и 8,7% черкесов. Депортации, безусловно, явились важным фактором изменения этнодемографической структуры региона, обусловив объективно приток мигрантов на насильственно высвобожденные территории. И именно по автономным образованиям, прошедшим через депор-

²⁶ Всесоюзная перепись населения 1959 года...

тацию титульных народов, фиксировался по переписи 1959 года наибольший долевым прирост русского населения. По Чечено-Ингушской АССР он составил, в сравнении с переписью двадцатилетней давности, 20,2%, по Калмыцкой АССР – 10,2%.

Однако рост удельного веса русского населения происходил, хотя и в несколько меньших объемах, и в тех автономных образованиях, которых политика депортации коренных народов миновала. Так, прирост доли русских в Дагестанской АССР составил в межпереписной период 5,8%, достигнув отметки в 20,1% населения республики. Русские по численности вышли в этот период в Дагестане на вторую позицию после аварцев – 22,5% и опередив существенно даргинцев – 13,9%.

Последующий период в истории СССР представлял собой нисходящую фазу советского проекта. Очередной цивилизационный кризис фиксировался и по этнодемографическим показателям. Начиная с переписи 1970 г. по всем национальным автономиям рассматриваемого региона обнаруживается устойчивое сокращение доли представителей русского этноса и возрастание удельного веса титульных народов. Эти изменения не носили, как впоследствии в 1990-е гг., характера катастрофы, происходили сравнительно медленно, а потому, вероятно, не воспринимались на уровне руководства страной в качестве серьезной угрозы. Между тем за тридцать лет, с 1959 по 1989 годы, совокупные изменения удельного веса русских в автономных республиках и областях оказались значительными²⁷. По Адыгейской АО доля русских в структуре населения снизилась на 2,4%, Кабардино-Балкарской АССР – на 6,8%, Карачаево-Черкесской АО – на 8,6%, Северо-Осетинской АССР – на 9,7%, Дагестанской АССР – на 10,9%, Калмыцкой АССР – на 18,2%, Чечено-Ингушской АССР – на 25,9%. Русские утратили первую позицию по численности населения в Чечено-Ингушской АССР уже к переписи 1970 г. Доля же чеченцев в населении республики возросла за тридцать лет на 23,4%. К 1989 г. было утрачено большинство, имевшееся ранее у русских по Калмыцкой АССР.

Процессы демографической деруссификации и этнизации региона в позднесоветский и постсоветский периоды

Те процессы демографического исхода русских из национальных республик и автономий, которые станут вызовом для российской государственной общности в 1990-е гг., латентно обнаруживались еще в бреж-

²⁷ Всесоюзная перепись населения 1970 года.; Всесоюзная перепись населения 1979 года.; Всесоюзная перепись населения 1989 года...

невский период. Сказывалась и частичная утрата цивилизационнообразующим народом пассионарных потенциалов, утрата интереса к освоению периферии. Помимо миграционного оттока на снижение доли русских оказывало влияние усугубляющееся их отставание от титульных наций по коэффициентам рождаемости. На более ранних исторических этапах детность в русских семьях, как минимум, была не ниже, чем в семьях горцев Северного Кавказа.

Неблагоприятно сказался на положении русского населения в регионе проводимый в эти годы курс на коренизацию управленческих кадров. Прослеживается тенденция этнической гомогенизации и клановизации элит национальных республик и автономий. На момент переписи 1970 года по двум из семи автономий региона пост первого секретаря областного комитета занимал русский (Карачаево-Черкесская АО – Бурмистров Федор Петрович, Чечено-Ингушская АССР – Апрыткин Семен Семенович), по остальным пяти – представитель титульной нации (Адыгейская АО – Берзегов Нух Асланчериевич, Дагестанская АССР – Умаханов Магомед-Салам Ильясович, Калмыцкая АССР – Городовиков Басан Бадьминович, Кабардино-Балкарская АССР – Мальбахов Тимбора Кубатиевич, Северо-Осетинская АССР – Кабалоев Билар Емазаевич).

По краям и областям юга России кризис снижения доли русского народа первоначально не обнаруживается, за исключением Астраханской области. По Краснодарскому и Ставропольскому краям за межпереписной период обнаруживается даже некоторый долевого прирост русских, соответственно 1% и 4,3%. Однако уже на этапе 1979–1989 гг. тенденция снижения доли русских становится всеобщей. Их удельный вес за тридцать оказался снижен по Астраханской области на 5,5%, Краснодарскому краю – на 2,7%, Ставропольскому краю – на 7,3%, Ростовской области – на 4,7%. В цивилизационном плане вслед за утратой этнически смешанных территорий происходила следующим шагом постепенная сдача позиций и в сопредельных областях.

Распад СССР мог перекинуться в 1990-е гг. и на Российскую Федерацию. Северный Кавказ стал, как известно, одной из главных болевых точек для постсоветской России. Чеченская война могла потенциально не только привести к отпадению от России северо-кавказского региона, но и вызвать в качестве последствий всеобщую войну национальной периферии против федерального центра. На уровне национальных республик принимаются Конституции, фактически утверждающие их суверенность в отношении к Российской Федерации. Русскоязычное население в силу ряда сложившихся объективных причин покидают ряд национальных

республик региона, что зафиксировала перепись 2002 г. Следующая перепись 2010 г. обнаруживала замедление темпов оттока русских, но не смену самой тенденции²⁸. На Западном Кавказе русские перестали полностью быть значимым фактором демографических процессов, будучи сведены в долевым отношении по Республике Дагестан до 3,6%, Чеченской Республике – до 1,9%, Республике Ингушетии – до 0,8%. Доля титульной нации составила применительно к Чечне 95,1%, к Ингушетии – 93,5%. Произшедшую этнизацию не следует считать восстановлением исходного до русской колонизации Кавказа состояния. Триста лет назад этническая и конфессиональная карта расселения в регионе была гораздо более гетерогезирована. Резкое снижение доли русских фиксируется не только по западнокавказским республикам, где оно достигла предельного минимума, но и по всем другим национально-территориальным образованиям. По Республике Адыгее удельный вес русских в сравнении с советским временем уменьшился на 6,4, что можно считать на фоне других республик умеренной величиной. Доля русских сократилась в сравнении с переписями 1989 г. – последним показателем советской эпохи и 1959 г. – показателем исторического максимума в Республике Кабардино-Балкария – на 9,4 и 16,4%, соответственно, в Республике Калмыкия – 8,1 и 26,3%, в Республике Карачаево-Черкесия – 11,3 и 19,6%, в Республике Северная Осетия – 9,3 и 19,0%. Численность карачаевцев и калмыков по переписи 2002 года превысила долю русских в соответствующих республиках, хотя еще в позднесоветское время их в обоих случаях было большинство.

В целом, по Северо-Кавказскому Федеральному округу русские в 2010 г. составили 30,3%. Вместе же с другими народами, не относимыми к коренным этносам Северного Кавказа, их совокупный удельный вес не будет превышать 36%. Такое изменение этноструктуры исторически возвращает ситуацию в регионе ко временам окончания Кавказской войны. Этническая гомогенизация продуцирует угрозы для самого существования России как цивилизационной общности, о чем говорил Президент в Послании Федеральному Собранию 2012 г. Данный вывод ни в коей мере не означает призыва к русификации или предоставлению этнических преференций, напротив, заставляет акцентировать внимание на обеспечении соблюдения этнодемографических пропорций в целях обеспечения национального единства государства. Обратимся к таблице 3.

²⁸ Всероссийская перепись населения 2002 года...; Всероссийская перепись населения 2010 года...

Таблица 3 / Table 3

Доля русского народа в структуре населения ряда административных единиц юга РСФСР и РФ по переписям 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 гг. / The share of the Russian people in the structure of the population of a number of administrative units of the south of the RSFSR and the Russian Federation in the censuses of 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010

Административная единица	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Краснодарский край	86,8	89,4	88,3	89,3	86,7	86,6	86,5
Ставропольский край	82,4	85,4	83,4	87,7	84,0	81,6	80,1
Астраханская область	нет	77,5	75,5	74,8	72,0	69,9	61,2
Ростовская область	90,3	91,3	91,2	90,9	86,6	89,4	88,7
Адыгейская АО (Республика Адыгея)	71,1	70,4	71,7	70,6	68,0	64,5	61,5
Дагестанская АССР (Республика Дагестан)	14,3	20,1	14,7	11,6	9,2	4,7	3,6
Кабардино-Балкарская АССР (Республика Кабардино-Балкария)	35,9	38,7	37,2	35,1	32,0	25,1	22,6
Калмыцкая АССР (Республика Калмыкия)	45,7	55,9	45,8	42,6	37,7	33,6	29,6
Карачаевская АО	42,3						
Черкесская АО	58,3						
Карачаево-Черкесская АССР (Республика Карачаево-Черкессия)		51,0	47,1	45,1	42,4	33,7	31,4
Северо-Осетинская АССР (Республика Северная Осетия-Алания)	37,3	39,6	36,6	31,7	29,9	23,2	20,6
Чечено-Ингушская АССР	28,8	49,0	34,5	29,1	23,1		
Чеченская Республика						3,4	1,9
Республика Ингушетия						1,2	0,8

Источники: Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России // http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php; Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php; Всесоюзная

перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php; Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php; Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php

Выводы

Данные статистики позволяют, таким образом, зафиксировать на рассматриваемом историческом интервале две фазы подъема в долевой представленности русских на Юге России (XVIII – начало XX в. и середина 1930-х – 1950-е гг.), фазу надлома (1917 г. – середина 1930-х гг.) и фазу упадка, разделяемую, в свою очередь на два этапа по степени динамики этнографических изменений (1960-е – 1980-е гг. и 1990-е – 2000-е гг.).

Возрастание доли русского населения в регионе устойчиво прослеживается на протяжении всего периода Российской империи, соотносясь с тенденцией усиливающейся цивилизационной интеграции. Особенно активно этот процесс происходил во второй половине XIX столетия, будучи связан с окончанием Кавказской войны и приведя к социальной и культурной доминации русского (великоросского) большинства существенно дополняемого малоросской компонентой. Гибель Российской империи, Гражданская война в России и специфика осуществления национальной политики большевиков в 1920-е гг. определили приостановку роста численности русского населения и его частичный отток из национальных автономий преимущественно в близлежащие административные образования. Приходящийся на середину 1930-х гг. сталинский поворот в национальной политике катализировал новую волну увеличения доли русского населения в национальных автономных образованиях региона. Приток русского населения определялся в тот период в значительной мере курсом на индустриализацию и культурную революцию, обуславливающим запрос на приток соответствующих профессиональных кадров, носителей квалификационных потенциалов. Исторический максимум русского представительства в регионе был зафиксирован Всесоюзной переписью 1959 г. Последующий период существования СССР характеризуется доминированием тенденции сокращения удельного веса русского населения в национальных автономиях и их этнизации. В постсоветский период эти тенденции были катализированы политическими факторами, приведя к принципиальному

изменению этнографической структуры региона. Сложившаяся ситуация является индикативным проявлением цивилизационного кризиса и требует фундаментального решения через усиление цивилизационнообразующих потенциалов России, связанных прежде всего с русской культурой.

Таким образом, гипотеза о наличии факторной связи между направленностью миграционных потоков цивилизационнообразующего народа (от центра к периферии или с периферии к центру) и состоянием самой цивилизации получает статистическое подтверждение. Цивилизационные подъемы России оказывались на рассматриваемом временном интервале соотнесены с возрастанием доли русского народа в регионах национальной периферии, а цивилизационные и государственные кризисы сопряжены с падением его удельного веса. Знание этой закономерности позволяет целевым образом управлять этнодемографическими процессами в целях обеспечения государственного единства и национальной безопасности России.

© Багдасарян В.Э., Реснянский С.И., 2018

Рукопись поступила: 19 августа 2018 г.

Submitted: 19 August 2018

References

- Avtorkhanov, A. *K osnovnym voprosam istorii i Chechni* [To the main issues of history and Chechnya]. Grozny: Serlo Publ., 1930 (in Russian).
- Bagdasaryan, V.E. “Russkoyazychnaya diaspora stran blizhnego zarubezhia v postsovetskiy period: istoriko-demograficheskiye protsessy.” [Russian-speaking diaspora of the countries of the near abroad in the post-Soviet period: historical and demographic processes] *Politika i Obshchestvo*, no. 10 (2015): 1363–1374 (in Russian).
- “Russkoyazychnoye naseleniye stran blizhnego zarubezhia: demograficheskoye vydavlivaniye cherez prizmu postimperskogo tranzita.” [Russian-speaking diaspora of the near abroad countries: demographic extrusion through the prism of post-imperial transit] In *Politicheskiye protsessy na postsovetskom prostranstve. Materialy IV Mezhdunarodnoy konferentsii*. Moscow: IIUMGOU Publ., 2015: 23–46 (in Russian).
- Bagirov, M.D. “K voprosu o kharaktere dvizheniya myuridizmai Shamilya.” [To the question of the character of the movement of muridism and Shamil] *Bolshevik*, no. 13 (1950): 22–31 (in Russian).
- Barsenkov, A.S., and Vdovin, A.I. *Istoriya Rossii. 1917–2009*. Moscow: Aspekt Press Publ., 2010 (in Russian).
- Bokov, F.P. “Po povodu kontseptsii dobrovolnogo vkhozheniya Checheno-Ingushetii v sostav Rossii: Teoretiko-metodologicheskii aspekt.” [Concerning the concept of voluntary entering of Checheno-Ingushetia into Russia: The Theoretical and Methodological Aspect] In *F.P. Bokov*. Grozny. Kniga, 1990 (in Russian).

- Brodel, F. *Vremya mira. Materialnaya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm. XV–XVIII* [Time of peace. Material civilization, economics and capitalism. XV–XVIII]. Moscow: Vesmir Publ., 2007 (in Russian).
- Bruk, S.I. “Kabuzan V.M. Dinamika chislennosti i rasseleniya russkogo etnosa (1678–1917).” [Kabuzan V.M. Dynamics of the number and settlement of the Russian ethnos (1678–1917)] *Sovetskaya etnografiya*, no. 4 (1982): 9–25 (in Russian).
- , and Kabuzan, V.M. “Etnicheskiy sostav naseleniya Rossii (1719–1917).” [Ethnic composition of the population of Russia (1719–1917)] *Sovetskaya etnografiya*, no. 6 (1980): 24–34 (in Russian).
- Bushuyev, S.K. *Izistorii vneshnepoliticheskikh otnosheniy v period prisoyedineniya Kavkaza k Rossii (20-e – 70-e gody XIX veka)* [History of foreign policy relations during the period of the accession of the Caucasus to Russia]. Moscow: MGU Publ., 1955 (in Russian).
- Danilevskiy, N.Ya. *Kavkaz i ego gorskiye zhiteli v nyneshnem ikh polozhenii: s obyasneniym istorii, religii, yazyka, oblika, odezhdy, stroyeniy, vospitaniy, pravleniya, zakonov, korennykh obychayev, npravov, obraza zhizni, pishchi, obrazovaniya i torgovli gortsev Kavkaza* [The Caucasus and its mountain inhabitants in their current situation: with the explanation of history, religion, language, appearance, clothing, buildings, education, government, laws, indigenous customs, customs, lifestyle, food, education and trade of the Caucasus mountaineers]. Moscow: Universitetskaya tipografiya Publ., 1846 (in Russian).
- Dubrovin, N.F. *Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze* [History of the war and dominance of the Russians in the Caucasus]. Vol. 1, book 1. St-Peterburg: Tipografiya Departamenta udelov Publ., 1871 (in Russian).
- Fadeyev, A.V. “Myuridizm kak orudie agressivnoy politiki Turtsii i Anglii na Severo-Zapadnom Kavkaze v XIX stoletiy.” [Muridism as an instrument of the aggressive policy of Turkey and England in the North-Western Caucasus in the 19th century]. *Voprosy istorii*, no. 9 (1951): 76–96 (in Russian).
- Fadeyev, R.A. *Shestdesyat let Kavkazskoy voyny* [Sixty years of the Caucasian War]. Tiflis: Voenno-pokhodnaya tipografiya Glavnogo shtaba Press, 1860 (in Russian).
- Gritsenko, N.P. *Istoki druzhby checheno-ingushskogo naroda s velikim russkim narodom* [The origins of the friendship of the Chechen-Ingush people with the great Russian people]. Groznyy: Checheno-Ingushskoye knizhnoye izdatelstvo Publ., 1962 (in Russian).
- Isupov, V.A. *Demograficheskiye katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX v.: istoriko-demograficheskie ocherki* [Demographic disasters and crises in Russia in the first half of the twentieth century: historical and demographic essays]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf Publ., 2000 (in Russian).
- Kabuzan, V.M. *Formirovaniye mnogonatsionalnogo naseleniya Pribaltiki (Estonii, Latvii, Litvy, Kaliningradskoy oblasti Rossii) v XIX–XX vv. (1795–2000 gg.)* [Formation of the multinational population of the Baltic states (Estonia, Latvia, Lithuania, Kaliningrad region of Russia) in XIX–XX centuries. (1795–2000)]. Moscow: IRI RAN Publ., 2009 (in Russian).

- *Narody Rossii v pervoy polovine XIX v.: Chislennost i etnicheskii sostav* [Peoples of Russia in the first half of the 19th century: Number and ethnic composition]. Moscow: Nauka Publ., 1992 (in Russian).
- *Narody Rossii v XVIII veke: Chislennost i etnicheskii sostav* [Peoples of Russia in the 18th century: Number and ethnic composition]. Moscow: Nauka Publ., 1990 (in Russian).
- *Naseleniye Severnogo Kavkaza v XIX–XX vekakh: Etnostatisticheskoye issledovaniye* [The population of the North Caucasus in the XIX–XX centuries: Ethnographic research]. St-Peterburg: BLITs Publ., 1996 (in Russian).
- *Russkiye v mire: Dinamika chislennosti i rasseleniya (1719–1989). Formirovaniye etnicheskikh i politicheskikh granits russkogo naroda* [Russians in the world: Dynamics of numbers and resettlement (1719–1989). Formation of ethnic and political boundaries of the Russian people]. St-Peterburg: BLITs Publ., 1996 (in Russian).
- *Narodonaseleniye Rossii v XVIII – pervoy polovine XIX v.: (Po materialam reviziy)* [Population of Russia in XVIII – the first half of the XIX century: (Based on audit evidence)]. Moscow: Akademiya Nauk SSSR Publ., 1963 (in Russian).
- Kinyapina, N.S., Bliyev, M.M., and Degoyev, V.V. *Kavkaz i Srednyaya Aziya vo vneshney politike Rossii. Vtoraya polovina XVIII – 80-e gody XIX v.* [Caucasus and Central Asia in Russia's Foreign Policy. The second half of the XVIII – 80th years of the 19th century]. Moscow: MGU Publ., 1984 (in Russian).
- Kobrin, V.B. "Pod pressom ideologii." [Under the pressure of ideology] *Izvestiya AN SSSR*, no. 12 (1990): 25–40 (in Russian).
- Kokiyev, G. "Voyenno-kolonizatsionnaya politika tsarizma na Severnom Kavkaze." [Military-colonial policy of tsarism in the North Caucasus] *Revolutsiya i gorye*, no. 4 (1929): 30–35; no. 5 (1929): 33–38 (in Russian).
- Kots, A., and Steshin, D. *Vernutsya li russkiye na Kavkaz?* [Will the Russians return to the Caucasus?]. <https://www.kp.ru/daily/23718/53778/> (in Russian).
- Kovalevskiy, P.I. *Kavkaz. Istoriya zavoyevaniya Kavkaza* [Caucasus. History of the conquest of the Caucasus]. Vol. 2. St-Peterburg, 1915 (in Russian).
- Narochnitskaya, N. A. *Rossiya i russkiye v sovremennom mire* [Russia and the Russians in the Modern World]. Moscow: Algoritm Publ., 2009 (in Russian).
- Polyakov, Yu.A., ed. *Naseleniye Rossii v XX veke. Istoricheskiye ocherki* [The population of Russia in the 19th century. Historical essays]. Vol. 1. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2000 (in Russian).
- Ocherki istorii Checheno-Ingushskoy ASSR* [Essays on the history of the Chechen-Ingush ASSR]. Vol. 1. Grozny: Checheno-Ingushskoe Publ., 1967; Vol. 2, 1972 (in Russian).
- Ocherki istorii Dagestana* [Essays on the history of Dagestan]. Vol. 2. Makhachkala: Dagknigoizdat Publ., 1957 (in Russian).
- Ocherki istorii Kalmytskoy ASSR* [Essays on the history of the Kalmyk ASSR]. Vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 1967; Vol. 2, 1970 (in Russian).
- Ocherki istorii Karachayevo-Cherkessii* [Essays on the history of Karachayevo-Cherkessia]. Stavropol: Stavropolskoye Publ., 1967–1972 (in Russian).

- Ocherki istorii Sovetskoy Kabardino-Balkarii* [Essays on the history of Soviet Kabardino-Balkaria]. Moscow: Gospolizdat Publ., 1958 (in Russian).
- Pervaya vseobshchaya perepis naseleniya Rossiyskoy Imperii 1897 g. Raspredelenie naseleniya po rodnomu yazyku i uyezdam Rossiyskoy Imperii krome guberniy Evropeyskoy Rossii* [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. Distribution of the population by the native language and regions of the Russian Empire except for the provinces of European Russia]. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php (in Russian).
- Pokorennyy Kavkaz: Ocherki istoricheskogo proshlogo i solvremennogo polozheniya Kavkaza* [The conquered Caucasus: Essays on the historical past and the plight of the Caucasus]. St-Peterburg: Rodina Publ, 1904 (in Russian).
- Pokrovskiy, M.N. *Diplomatiya i voyny tsarskoy Rossii v XIX stoletii* [Diplomacy and wars of tsarist Russia in the 19th century]. Moscow: Krasnaya nov' Publ., 1924 (in Russian).
- Potto, V. *Kavkazskaya vojna v otdelnykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh* [The Caucasian War in selected essays, episodes, legends and biographies]. 5 vols. St-Peterburg: E. Evdokimov's Publ., 1887–1890 (in Russian).
- Prepodavanie istorii v Rossii i politika (Materialy kruglogo stola)* [Teaching history in Russia and politics (Roundtable materials)]. Moscow: Nauchny ekspert. 2010 (in Russian).
- Putin, V.V. *Rossiya: Natsionalnyy vopros* [Russia: The National Question]. http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (in Russian).
- Rashin, A.G. *Naseleniye Rossii za 100 let (1811–1913): Statisticheskiye ocherki* [Population of Russia for 100 years (1811–1913): Statistical essays]. Moscow: Gosudarstvennoye statisticheskoye izdatelstvo Publ., 1956 (in Russian).
- Tsagareyshvili, Sh. V., ed. *Shamil – stavlennik sultanskoy Turtsii i angliyskikh kolonizatorov* [Shamil – protege of the Sultan Turkey and the British colonialists]. Tbilisi: Gosizdat Gruzinskoy SSR Publ., 1953 (in Russian).
- Smirnov, N.A. “Sheykh Mansur i ego turetskiye vdokhnoviteli.” [Sheikh Mansour and his Turkish inspirers] *Voprosy istorii*, no. 10 (1950): 19–39 (in Russian).
- Sukhopleshchenko, K.Yu. *Etnokratii na Severnom Kavkaze: institutesionalizatsiya i legitimatsiya* [Ethnocracy in the North Caucasus: institutionalization and legitimization]. Ph.D. diss., Yuzhiy federalniy universitet. Rostov-na-Donu, 2010 (in Russian).
- Troitskiy, E.S. *Russkaya etnopolitologiya* [Russian ethnopolitology]. 3 vols. Moscow: Granitsa Publ., 2003 (in Russian).
- Vdovin, A.I. *Russkiye v XX veke. Tragedii i triumfy velikogo naroda* [Russians in the 20th century. Tragedies and triumphs of the great people]. Moscow: Veche Publ., 2013 (in Russian).
- Vserossiyskaya perepis naseleniya 2002 goda. Natsionalnyy sostav naseleniya po regionam Rossii* [The 2002 All-Russia Population Census. National composition of the population by regions of Russia]. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php (in Russian).
- Vserossiyskaya perepis naseleniya 2010 g. Naseleniye po natsionalnosti. Po subyektam Rossiyskoy Federatsii* [All-Russia population census 2010 Population by nationality.

- By Subjects of the Russian Federation]. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php (in Russian).
- Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1926 goda. Natsionalnyy sostav naseleniya po regionam RSFSR* [All-Union Population Census of 1926. National composition of the population by regions of the RSFSR]. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php (in Russian).
- Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1939 goda. Natsionalnyy sostav naseleniya po regionam Rossii* [All-Union Population Census of 1939. National composition of the population by regions of Russia]. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php (in Russian).
- Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1959 goda. Natsionalnyy sostav naseleniya po regionam Rossii* [All-Union Population Census of 1959. National Population by Region of Russia]. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php (in Russian).
- Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1970 goda. Natsionalnyy sostav naseleniya po regionam Rossii* [All-Union Population Census of 1970. National composition of the population by regions of Russia]. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php (in Russian).
- Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1979 goda. Natsionalnyy sostav naseleniya po regionam Rossii* [All-Union Population Census of 1979. National composition of the population by regions of Russia]. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php (in Russian).
- Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1989 goda. Natsionalnyy sostav naseleniya po regionam Rossii* [All-Union Population Census of 1989. National composition of the population by regions of Russia]. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php (in Russian).
- Yakunin, V. I., Sulakshin, S.S., and Bagdasaryan, V.E. *Gosudarstvennaya politika vyvoda Rossii iz demograficheskogo krizisa* [State policy of Russia's withdrawal from the demographic crisis]. Moscow: Ekonomika; Nauchnyy ekspert Publ., 2007 (in Russian).
- Yandarov, A.D. *Sufizm i ideologiya natsionalno-osvoboditel'nogo dvizheniya* [Sufism and the ideology of the national liberation movement]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1975 (in Russian).
- Yanova, M.V. *Istoriya Kalmykii: problemy istoriografii kontsa XVIII – nachala XXI vv.* [History of Kalmykia: problems of historiography of the late 18th – early 21st centuries]. Ph.D. diss., RUDN University, 2013 (in Russian).
- Zhiromskaya, V.B. Kiselev, I.N., and Polyakov, Yu.A. *Polveka pod grifom «sekretno». Vsesoyuznaya perepis 1937 goda* [Half a century, classified as “secret.” All-Union Census of 1937]. Moscow: Nauka Publ., 1996 (in Russian).
- *Osnovnyye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX v.* [The main trends of the demographic development of Russia in the twentieth century]. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2012 (in Russian).
- Zisserman, A.L. *Dvadsat pyat let na Kavkaze (1842–1867)* [Twenty-five years in the Caucasus (1842–1867)]. 2 parts. St-Petersburg: A.S. Suvorin's Publ., 1879 (in Russian).

The civilizational role of Russian people in the development of the Russia's southern regions through the prism of ethno-demographic dynamics

Vardan E. Bagdasaryan^a, Sergey I. Resnyansky^b

^a Moscow State Regional University

10A Radio St., Moscow, 105005, Russia

vardanb@mail.ru

^b RUDN University

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

s-r44@yandex.ru

Abstract: The article examines the share of the Russian ethnos in the ethno-demographic structure of the south of Russia for a period of 300 years, and investigates changes in the relative proportion of Russians and representatives of the titular peoples in the respective administrative units over time. The geographical scope of the study covers the North Caucasus region as well as some adjacent territories, taking into consideration the changes that occurred in Russia's administrative division. In particular, the article is based on the materials of audits and population censuses in the Russian Empire (1897) and the USSR (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989) as well as in the Russian Federation (2002, 2010). Methodologically, the present study correlates civilizational approach theory with an empirical study of ethno-demographic processes. The authors advance the theory that civilizational ups and downs correlate with the dynamics of migration by the civilization-forming people, and with their settling in the ethnic periphery. The article argues that in the regional ethnic make-up, the share of Russians, as the civilization-forming people, reflects the region's degree of integration in the Russian civilizational system. In particular, a clear correlation is visible between the descending phase of the Soviet project and the decrease of representatives of the Russian ethnos in the national and administrative entities of the region. Given that over centuries Russia developed as a multinational state – as a state-civilization kept together by the Russian people at its center – the authors emphasize the need to strengthen Russia's statehood.

Keywords: the Russians, titular nation, North Caucasus, ethno-demography, population census, civilizational approach, civilization-forming people, migration, ethnic structure of the population

For citation: Bagdasaryan, Vardan E., Resnyansky, Sergey I. "The civilizational role of Russian people in the development of the Russia's southern regions through the prism of ethno-demographic dynamics." *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 4 (2018): 834–862. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-834-862>